

УДК 291.12

Ион Гуменный

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (ПРИМЕР ОБЩИН РЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ БЕССАРАБИИ 19 ВЕКА)

У цій статті, яка ґрунтується на документах, що знаходяться в Державному архіві Республіки Молдова, проводиться паралель між ідентифікацією релігійною і етнічною приналежністю. Ця інформація дозволяє нам стверджувати, що протягом всього ХІХ століття в Бессарабії члени різних релігійних спільнот ідентифікувалися з різними етнічними групами.

Ключові слова: спільнота, ідентичність релігійна, етнічна, Бессарабія, Російська Імперія.

Gumenai I. The religious accessory as feature of ethnic accessory (the example of religious communities of Bessarabia in XIX century).

In the material based on documentary information which is in National Archives of Moldova author makes a parallel between ethnic identification through the religious light. Existing information allows us to say that during the whole nineteenth century, in Bessarabia, members of various religious communities were identified as belonging to certain ethnic groups.

Key words: community, identity religious, ethnic, Bessarabia, Russian empire

Гуменный И. Религиозная идентичность как признак этнической принадлежности (пример общин религиозных меньшинств Бессарабии в ХІХ веке).

В данном материале который основывается на документах находящихся в Государственном Архиве Республики Молдова проводится паралель между идентификацией религиозной и этнической принадлежностью. Существующая информация нам позволяет утверждать, что на протяжении всего ХІХ-го века, в Бессарабии члены разных

религиозных сообществ идентифицировались с разными этническими группами.

Ключевые слова: *община, идентичность религиозная, этническая, Бессарабия, Российская Империя.*

Присоединения в 1812 году Бессарабии к Российской Империи помимо других изменений вызвало и изменения в национальной и конфессиональной структуре этой территории. Политика колонизации и заселения этого края населением из других губерний империи и беженцев с территории подчиненных турецкой администрации привело к появлению здесь разных общин созданных по национальному и конфессиональному признаку.

Несмотря на это местные православные жители продолжали составлять большинство населения Бессарабии способной ассимилировать другие национальные меньшинства.

Таким образом, религиозная принадлежность являлся главным фактором для принятия или принадлежности к той или иной общине. Во многих случаях та или иная национальность сопоставлялась с той или иной конфессией. Так, например, синонимом слово “поляк” в бессарабском обществе было слово “католик”, а католическое кладбище в Кишиневе до начала Первой мировой войны было известно в народе как польское, факт который не может вызывать недоразумений, если учесть что в начале XX века более 90% католиков в этом крае составляли поляки [1, 122].

Примерно тоже самое можно сказать и о евангелистах-лютеран общины которых появились в Бессарабии после 1812 года и состояли из немецкого населения. Именно в это время на карте территории находящейся между Днестром и Прутом появляются такие населенные пункты, как Лейпциг или Лихтенталь [2].

Конечно, не ставятся под вопросом и еврейские общины, состоящие из одних евреев, которые благодаря полученным привилегиям в Бессарабии возросло на много (имеется в виду и численность членов общины, и количество общин). Из-за этого известны попытки, когда представители других конфессий пытались перейти или записаться в еврейские общины (в осо-

бенности это относятся к суботнической конфессии) но такие действия никогда не венчались успехом [3].

Примерно таким же образом развивались события и в армянских общинах, где можно проследить довольно большой приток армянской паствы, вследствие чего, в 1830 году было организовано Армянская епархия Бессарабии и Нахичевани с центром на территории Бессарабии, где он находился до 1875 года. Более того, в начальном периоде пребывания Бессарабии в составе Российской Империи между Армянским епископом Григорием и Экзархом Метрополии Кишинева и Хотина Гавриилом существовали довольно напряженные отношения в связи с вмешательством во внутренние дела армян православных священников и наоборот [4].

Говоря о мусульманах можно отметить что, представители этой религии практически не проживали на территории между Прутом и Днестром после 1812 года. Их количество, насчитывало несколько десятков, из-за чего они жили разрознено не составляя никаких общин. Факт подтверждается и тем, что при прошении российских офицеров к Бессарабскому Областному Правительству о направлении в военные части находящихся на этой территории мусульманских священников для проведения причастия и других мусульманских обрядов для солдат исламской веры, ответ сопровождался отказом, так как таковых здесь не было [5].

После 1812 года на территории Бессарабии также увеличилось численность населения старообрядцев разных направлений. С одной стороны это были жители из внутренних губернии России, а с другой, старообрядцы бежавшие на территорию Османской Империи. Во всех случаях это население селилось и создавало отдельные села, а в городах отдельные общины. Интересно, что по существующим статистическим данным в городах селились в большинстве случаев раскольники, а в селах старообрядцы [6].

Из выше указанных примеров ясно что главными факторами организации населения прибывших на территорию Бессарабии после 1812 года были национальный и конфессиональный. В данных общинах религиозная структура составляла базу орга-

низации общества во многих случаях она, составляла норму поведения между разными субъектами. Во многих случаях административная и конфессиональная власть концентрировалась в одних руках как, например, был пастырь немцев лютеран в Кишиневе или раввин у евреев в Сороках. Таким образом, община, организованная на основе религиозных принципах, которая еще и имела, как руководителя религиозную главу становилась одним из главных факторов сохранения национальной идентичности. В таких общинах институт церкви исполнял с одной стороны функцию консервирующие национальный элемент, а с другой – функцию связи с другими национальными составляющими. Так, к первой функции можно отнести, например, тот факт, что в 1835 году после открытия лютеранской церкви в Кишиневе, вновь понадобился ремонт, а на просительные листы для собирания денег, общины евангелистов-лютеран откликнулись в большинстве случаев колонии населенные лютеранами или частные лица немецкой национальности, служивших в разных административных службах [7].

Аргументами для второй функции может служить на пример община католиков из Кишинева. Так, после польского восстания 1830 года по данным кишиневской полиции между поляками распространился слух о новом восстании с участием стран Европы, а источником этих слухов по предположению той же полиции считалась церковь с ее священником. После восстания 1863 года Генерал-Губернатор Новоросии и Бессарабии в переписки с администрацией Кишинева показывал, что по существующей информации у католического священника прячутся представители польской жанты, которые собирают по 10% от доходов и зарплат поляков для поддержки освободительного движения. Хотя информация так и не подтвердилась, кроме того, что католический священник остался и в дальнейшем под надзором полиции, ему также максимально ограничили передвижения [8].

В том же году в рапорте от 28 мая полицмейстер города Хотина сообщал, что священник Иоан Лозинский совершил в местной католической церкви панихиду по погибшим полякам во время восстания [9].

Национально-религиозная община была и организмом который использовал все свои силы для удержания своих членов от перехода к другим общинам или конфессиям. Конечно, здесь мы не можем не согласиться с высказываниями А. Милера о существовании не политики, а политик русификации, и конечно мы не можем сравнить ту конфессиональную политику, которая велась на северо-западных окраинах империей с той, которая велась в Бессарабии. Конечно, здесь мы не имеем больших планов относящихся к принятию разными конфессиями “императорской” веры, так как в этом регионе значительная часть населения было православными, а существующие конфессии не представляли опасности для единства империи. Все же со стороны главенствующей церкви такие попытки просматриваются, но в этих случаях свою силу проявляла община из-за чего случаи перехода от других конфессий к православию, в Бессарабии, были редки и во многих случаях это было связано с получением каких-нибудь материальных или других привилегиях [10].

Таким образом, представленный выше материал дает нам возможность утверждать, что общины религиозных меньшинств представляли один из главных элементов для сохранения национальной идентичности населения прибывших из-за границ Бессарабии. С одной стороны, формирования этих общин с самого начала включала в себя религиозные традиции и обряды. Практически имело место слияния конфессионального и этнического элемента, так что они были видны нераздельно в массовом менталитете: пример католик – поляк. С другой стороны, религия была той силой, которая объединяла вокруг себя представителей той или иной нации, которая сохраняло во многом ее идентичность и являлась связующим звеном с “внешним миром”.

Именно такие элементы, как религиозная принадлежность, церковь, священник являются одними из главных составляющих элементов национальной идентичности и если общины созданы по конфессиональному принципу, как это было в Бессарабии, то именно эти элементы и будут поддерживать национальное сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Неля Саганова Кишиневский римско-католический приход “Божественного Провидения” в первой половине XIX века, в “Analecta catholica”, с.122.

2. См. Национальный Архив Республики Молдова, Фонд 7, инвентарь I.

3. См. Там же, Фонд 2, инвентарь I.

4. См. Там же, Фонд 205, инвентарь I.

5. Там же, Фонд 2, инвентарь I. д. 4108.

6. Там же, Фонд 2, инвентарь I. д. 3652.

7. Там же, Фонд 7, инвентарь I. д. 4.

8. Там же, Фонд 2, инвентарь I. д. 7641.

9. Там же, Фонд 2, инвентарь I. д. 7640.

10. См. Национальный архив Республики Молдова, Фонд 205, инвентарь I.